

both fulfil the ECtHR requirements of adequately addressing the violation of Art. 6 ECHR: the exclusion of any evidence derived from the entrapment and a procedural bar to criminal proceedings. In most cases the end result of both measures is that the person instigated is not convicted for the perpetrated offence. This is the correct result, in light of the clear violation of the fair trial principle that such a conviction would represent and the statement of the ECtHR that such criminal proceedings would deprive the targeted person of a fair trial from the outset.

IV. Conclusion

The principle of fair trial is of such central significance in a democratic state that it should never be restricted in favour of criminal policy considerations of expedience. Therefore, in a state governed by the rule of law, the criminal justice agencies – while being able to use legitimate covert investigation techniques – should refrain from using any form of entrapment, whether through its state agents or other operatives such as police informants. As the jurisprudence of the ECtHR shows, there exist clear criteria to determine legality of such an intervention and to identify where its limitations should lie. These criteria comprise, on a procedural level, the presence of judicial or other independent authorisation and a clear and foreseeable procedure; and on a material level, the degree of certainty that the applicant had been involved in criminal activity or was predisposed to commit a criminal offence, and that no undue pressure was exerted by the police.

If an abuse of the state's power through the use of entrapment is nevertheless committed, it is of paramount importance that the rights violation be adequately addressed. The victim needs to be able to raise this issue during trial and if the court finds enough evidence to support the claim of incitement, either all evidence derived from the entrapment should be declared inadmissible or the criminal proceedings should be discontinued. Only through this redress can the challenge to criminal proceedings governed by the rule of law, presented by the use of an agent provocateur, be adequately addressed.

Ключко Р. Н., Телюк О. Н.

Уголовно-правовые средства реализации статуса потерпевшего

Kliuchko R., Tsialiuk A.

Means of criminal law for realization of the legal nature of the victim¹

The victim is recognized as an independent participant in criminal process, whose rights and duties are provided and implemented, in criminal procedure, criminal law, and even penitentiary relations. Giving a person status of the victim in

¹ Тезисы доклада печатаются на русском языке без перевода / The report is published only in Russian/

criminal procedure creates a legal grounds for performing his procedural actions, whereas the emergence of the victim in criminal law relations creates prerequisites for granting him the legal status of the victim. The status of the victim in a Criminal law is determined by the norms of the criminal law, which, securing the rights and obligations of the victim, create guarantees for achieve the goal of restoring social justice. Achieving of this goal is possible only if the balance between public and dispositive principles of criminal law regulation and overcoming the competition between private interests of the victim and public interests placed under the protection of criminal law are reached.

Потерпевший признается самостоятельным участником уголовного процесса, которому предоставляются права и обязанности, реализуемые им в рамках уголовно-процессуальных, уголовно-правовых, и даже уголовно-исполнительных отношений. Придание лицу уголовно-процессуального статуса потерпевшего создает юридические основания для совершения им процессуальных действий, тогда как появление фигуры потерпевшего в уголовно-правовых отношениях создает предпосылки для наделения его правовым статусом потерпевшего. Уголовно-правовой статус потерпевшего определяется нормами уголовного закона, которые, закрепляя права и обязанности потерпевшего, создают гарантии для достижения цели восстановления социальной справедливости. Достижение указанной цели представляется возможным лишь при достижении баланса публичных и диспозитивных начал уголовно-правового регулирования и преодоления конкуренции частных интересов потерпевшего и публичных интересов, поставленных под охрану уголовного закона.

Одной из ключевых фигур уголовного процесса является потерпевший. В соответствии со ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) потерпевшим от преступления признается физическое лицо, которому общественно опасным деянием, предусмотренным уголовным законом, причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс (орган уголовного преследования или суд), вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим. Как мы видим, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет как материальные, так и процедурные основания для признания лица потерпевшим от преступления. Именно придание лицу уголовно-процессуального статуса потерпевшего создает юридические основания для совершения им процессуальных действий, тогда как появление фигуры потерпевшего в уголовно-правовых отношениях создает предпосылки для наделения его соответствующим процессуальным статусом. Таким образом, уголовно-правовая категория «потерпевший» является первичной.

Несмотря на законодательное определение категории «потерпевший», в уголовно-процессуальной науке предлагаются широкая и узкая

трактовки указанного понятия. В соответствии с первой статус потерпевшего в случае его смерти могут приобретать его совершеннолетние близкие родственники или члены семьи, являющиеся правопреемниками. Кроме того, в российской уголовно-процессуальной доктрине высказываются предложения о нецелесообразности признания потерпевшим заявителя о факте совершения преступления [1, с. 11; 2, с. 117]. Следует отметить, что российский законодатель в качестве потерпевшего признает не только физическое лицо, но и юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ст. 42 УПК Российской Федерации).

Потерпевший признается самостоятельным участником уголовного процесса, которому предоставляются уголовно-процессуальные права и обязанности, реализуемые им в рамках уголовно-процессуальных, уголовно-правовых, а также и уголовно-исполнительных отношений. Материальной предпосылкой признания лица потерпевшим и соответственно участником уголовного процесса является причинение ему вреда, который признается обязательным признаком объективной стороны материальных составов преступлений и соответственно должен находиться в причинной связи с общественно опасным деянием. Физический вред выражается в причинении физических страданий, которые могут быть связаны с расстройством здоровья, причинением телесных повреждений. Имущественный вред выражается в лишении лица имущественных прав, а моральный – в причинении нравственных страданий. Причинение последнего может быть как основной целью преступления (например, при клевете и оскорблении), так и являться сопутствующим причинению иного вреда последствием (например, при совершении преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы и др.).

Анализ уголовно-правовых норм позволяет трактовать категорию «потерпевший» в узком смысле слова как пострадавшее от преступления лицо (см. ст. 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)). Потерпевшего признают субъектом уголовно-правовых отношений как белорусские [3; 4], так и российские ученые [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Являясь субъектом уголовных правоотношений, потерпевший имеет субъективные права и несет обязанности, которые образуют содержание уголовно-правового статуса потерпевшего. Уголовно-правовой статус потерпевшего определяется нормами уголовного закона. Причем, с точки зрения уголовного законодательства, оперирующего термином «потерпевший», «лицо, пострадавшее от преступления» (ст. 33 УК), признание его таковым презюмируется при условии причинения (а в

отдельных случаях и угрозы причинения) ему физического, имущественного либо морального вреда путем совершения преступления.

К нормам УК, устанавливающим права потерпевшего от преступления на инициацию уголовного преследования либо его прекращение, относятся нормы, закрепленные в ст. 33 УК, ст. 89 УК, ч. 6 примечания к главе 24 УК. Статья 62 УК устанавливает требование об обязательном учете мнения потерпевшего при назначении наказания по делам частного обвинения. В уголовно-правовой доктрине высказывается заслуживающее внимания предложение о необходимости закрепления на нормативном уровне обязанности суда учитывать мнение потерпевшего при назначении наказания по делам частно-публичного и публичного обвинения [3, с. 32]. Обязанность принести извинение потерпевшему является содержанием одной из мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним (п. 2 ч. 2 ст. 117 УК), и может возлагаться на осужденного при назначении наказания с отсрочкой или условным его неприменением (ст. 77, 78 УК).

Отдельные обязанности, образующие содержание уголовно-правового статуса потерпевшего, определены в статьях Особенной части УК, закрепляющих признаки преступлений против правосудия. Эти обязанности потерпевшего являются уголовно-правовыми средствами реализации его процессуальных обязанностей, закрепленных в ч. 2 ст. 50 УПК. В частности, ст. 401 УК устанавливает запрет на дачу потерпевшим заведомо ложных показаний, отражая тем самым обязанность потерпевшего на дачу правдивых показаний. Статья 402 УК устанавливает ответственность за отказ или уклонение потерпевшего от дачи показаний, порождающую тем самым обязанность на дачу потерпевшим показаний. Указанная обязанность в соответствии с примечанием к ст. 402 УК не распространяется лишь на потерпевшего, отказывающегося давать показания, как указано в законе, «против самого себя, членов своей семьи, близких родственников». Такое положение уголовного закона направлено на реализацию конституционной нормы, определяющей, что никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27 Конституции Республики Беларусь)¹. На потерпевшего возлагается также обязанность неразглашения данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания, что предполагает уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 407 УК.

¹ Норма уголовного закона, ограничивающая круг субъектов анализируемого преступления, требует корректировки, так как категория «члены семьи» (п. 2 ч. 2 ст. 4 УК) включает в себя и близких родственников потерпевшего.

Уголовно-правовое значение имеет предшествующее совершению общественно опасного деяния поведение потерпевшего. Оно может влиять не только на границы уголовной ответственности и правовую оценку деяния как преступного, решение вопросов индивидуализации наказания, но и учитывается законодателем как одно из средств дифференциации уголовной ответственности, будучи правомерным либо негативно провокационным, предопределяя мотив совершения преступления. Правомерное поведение потерпевшего в качестве обстоятельства, дифференцирующего ответственность, закрепляется в уголовно-правовых нормах как квалифицирующий признак (например, п. 10 ч. 2 ст. 139 УК) либо признак специального состава преступления (например, ст. 362 УК). Отсутствие основного признака специального состава преступления, характеризующего поведение потерпевшего, влечет отсутствие признаков такого преступления в совершенном деянии, а соответственно, не позволяет признать лицо потерпевшим от такого преступления, что не исключает возможности наличия в содеянном признаков иных составов преступлений.

Одним из актуальных направлений исследования в современной уголовно-правовой науке выступает изучение провокационного поведения потерпевшего в преступлениях, совершаемых в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны, при задержании лица, совершившего преступление, а также при наличии согласия потерпевшего на причинение ему вреда. В определенных ситуациях провокационное поведение потерпевшего в виде противозаконных действий, аморальных действий может исключить основания для признания причинения потерпевшему вреда преступным посягательством (например, умышленное причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны влечет уголовную ответственность лишь в случае, когда причиненный вред здоровью был тяжким (ст. 152 УК)). При рассмотрении в рамках законодательства привилегирующих признаков специальных – «извинительных» составов преступлений можно отметить, что поведение потерпевшего при совершении указанных преступлений носит характер «виктимологической провокации» и, являясь внешним фактором воздействия на субъект, выступает в качестве обязательного признака, характеризующего обстановку совершения преступления.

Значимо с точки зрения уголовно-правовой оценки поведение потерпевшего (правомерное, противоправное, аморальное), если оно причинно связано с преступным деянием. Такое поведение влияет на степень общественной опасности и степень виновности лица, совершившего преступное деяние.

Уголовно-процессуальный статус потерпевшего и гарантии его реализации могут зависеть от возрастных признаков потерпевшего, которые имеют не только процессуальное, но в определенных ситуациях и уголовно-правовое значение. Возрастные признаки, характеризующие потерпевшего, в одних случаях учитываются законодателем как криминообразующие, когда закрепляются в качестве признаков основного состава, в других – для дифференциации уголовной ответственности, когда определяются в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, а в третьих – могут иметь значение для решения вопроса о признании лица потерпевшим и наличии в содеянном признаков того или иного состава преступления в целом.

Подводя итог, хочется отметить, что анализ нормативных положений уголовного закона дает основание признавать потерпевшего от преступления субъектом уголовно-правовых отношений. Под уголовно-правовым статусом потерпевшего от преступления следует понимать совокупность закрепленных в уголовном законе прав и обязанностей потерпевшего от преступления, которые создают гарантии реализации статуса потерпевшего. Анализ динамики развития уголовного законодательства свидетельствует об изменении правового статуса потерпевшего от преступления, которое происходит в направлении расширения его правомочий в части принятия решений об участии в разрешении уголовно-правового конфликта, и развитии компенсационных начал уголовно-правового регулирования.

Список использованных источников

1. *Белов, А. В.* Уголовно-процессуальные аспекты участи прокурора в системе частного уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Белов. – Воронеж, 2010. – 23 с.
2. *Петухов, Е. Н.* Коллизии УПК РФ, связанные с понятием и правами потерпевшего / Е. Н. Петухов // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1. – С. 116–118.
3. *Кукреш, Л.* Потерпевший в уголовном и уголовно-процессуальном праве: вопросы законодательной регламентации средств защиты и правового статуса / Л. Кукреш, Э. Саркисова // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 4. – С. 30–36.
4. *Марчук, В.* Деяния, влекущие уголовную ответственность по требованию потерпевшего: постановка вопросов / В. Марчук // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 1. – С. 36–39.
5. *Анощенко, С. В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С. В. Анощенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 248 с.
6. *Булгаков, Д. Б.* Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д. Б. Булгаков. – Ставрополь, 2000. – 159 с.

7. *Дагель, П. С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления (Тематический сборник) / под ред. П. С. Дагеля. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1974. – 213 с.

8. *Красиков, А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / А. Н. Красиков; под ред.: И. С. Ной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 120 с.

9. *Сидоренко, Э. Л.* Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон / Э. Л. Сидоренко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 310 с.

10. *Фаргиев, И. А.* Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем / И. А. Фаргиев– СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. – 338 с.

Луцук В. В.

Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей в уголовном процессе Украины

Lutsyk V.

Electronic surveillance within transport telecommunication networks in the criminal procedure of Ukraine¹

The paper is devoted to the analysis of such an undercover investigative action as the interception of transport telecommunications network. In the article, the procedural features of the covert investigative action in question, its objects and types are studied. Debatable issues of its implementation are analyzed, as well as peculiarities of fixation and assessment of the results of the undercover investigative action in question.

Работа посвящена характеристике такого негласного следственного (розыскного) действия (НСРД), как снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей. В ней рассмотрены процессуальные особенности проведения этого НСРД, его объекты, выделены виды его проведения, проанализированы проблемные вопросы практики его проведения, особенности процесса фиксации и оценки результатов данного НСРД.

Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей как негласное следственное (розыскное) действие (далее – НСРД) заключается в негласном проведении наблюдения с применением соответствующих технических средств, отбора и фиксации содержания информации, которая передается лицом, а также получении, преобразовании и фиксации различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи.

Информация, которая сосредоточена в памяти комплексно-программного оборудования операторов и провайдеров телекоммуникационных сетей, накапливается и используется для модернизации, оптимизации, контроля технико-экономических показателей и удовле-

¹ Тезисы доклада печатаются на русском языке без перевода / The report is published only in Russian/.